1-й экз.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС

ОРГАН ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Гос. ордена Ленина публичная историческая библиотека РСФСР
97331

1981 2

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1957 г. ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО • ПРАВДА •

СОДЕРЖАНИЕ

Во славу Родины, на благо народа (К выходу в свет избранных речей и статей члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова) 3

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

А. Г. ЕГОРОВ (академик) — Ленинский план ГОЭЛРО и социалистическое, коммунистическое строительство 13

А. Э. ВОСС (первый секретарь ЦК Компартии Латвии) — Деятельность Компартии Латвии по воспитанию трудящихся в духе высокой дисциплины и организованности 31

И. И. СКИБА (первый секретарь Ивано-Франковского обкома Компартии Украины)—Контроль и проверка исполнения как средство повышения ответственности кадров 46

СТАТЬИ

Г. Г. МОРЕХИНА — Возрастание творческой активности рабочего класса в осуществлении экономической политики КПСС на современном этапе 59

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ, О. Г. ОБИЧКИН, В. Н. СТЕПАНОВ, И. Ф. УГАРОВ — Некоторые вопросы истории партийного билета и организации учета РСДРП в период подполья 70

ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

А. Е. КРУХМАЛЕВ — Критика антимарксистских измышлений о сущности социализма 82

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А. А. ГРЕЧУХИН — Уильям З. Фостер (К 100-летию со дня рождения) . 94

В. П. КУДИНОВ — Рабочее движение и коммунисты Новой Зеландии . 98

ЛЕКЦИИ И КОНСУЛЬТАЦИИ

Исторический опыт КПСС

В. К. СКОРУПА — Партия в период развитого социализма 102

Из вузовского курса истории КПСС

М. П. ЧЕРНОВ — Партия в борьбе за упрочение социалистического общества. Усиление обороны страны (1937 г.— июнь 1941 г.) 118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. ТИМОЩЕНКО — С. В. Липицкий. Ленинское руководство обороной страны. 1917—1920. М., Политиздат, 1979 129

Н. И. КОНДАКОВА, В. И. ЛЕМЕШОНОК (Минск) — «Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу (1941—1945)». Л., Изд-во ЛГУ, 1980 131

В. И. ДРОБЫШЕВСКИЙ (Челябинск) — «На путях революций и коммунистического строительства». Из истории Челябинской городской партийной организации. Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 1980 133

Н. Д. ОКОНОВА — «Совершенствование внутрипартийной работы в условиях развитого социализма». Из опыта парторганизаций Украины. Киев, Политиздат Украины, 1979 136

В. Я. ЛИПКИН — Х. М. Маданов. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане (1946—1975 гг.). Алма-Ата, «Наука», 1980 139

Документы и статьи по истории КПСС... 142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. Л. ГРАДОВ — Важнейшие историко-партийные проблемы периода развитого социализма 146

В. Г. МОСОЛОВ — 160 лет со дня рождения Ф. Энгельса 151

Хроника 155

Одобренные темы докторских диссертаций 158

© Издательство «Правда». «Вопросы истории КПСС». 1981.

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ, О. Г. ОБИЧКИН,
В. Н. СТЕПАНОВ, И. Ф. УГАРОВ

Некоторые вопросы истории партийного билета и организации учета РСДРП в период подполья*

При изучении исторического опыта большевизма все больший интерес вызывают процесс становления и развития норм партийного строительства, формы и методы деятельности местных партийных организаций, их конкретный опыт, правила их внутренней жизни в период борьбы за свержение самодержавия. Один из малоизученных вопросов — об оформлении членства и партийных билетах, об организации учета членов партии в период подполья.

Партийный билет коммуниста — документ, подтверждающий принадлежность его владельца к партии, удостоверяющий личность члена партии и постоянно напоминающий ему об обязанностях и правах, которые он добровольно принял, вступая в ее ряды. На основе единого партийного билета строится вся система учета членов партии. История партийного билета неразрывно связана с историей КПСС, с отдельными периодами ее развития. Однако это вовсе не означает, что партийный билет появился вместе с образованием Коммунистической партии. Думать так — значит не учитывать тех исторических условий, в которых Коммунистическая партия переживала процесс возникновения, становления и деятельности.

Настоящая статья ставит задачу обобщить имеющиеся данные по истории партийного билета и организации учета в РСДРП в период подполья. При подготовке ее была изучена имеющаяся по этим вопросам литература, заново проанализированы данные уже использовавшихся в историко-партийной литературе источников, выявлены новые.

Первые отдельные случаи выдачи партийных билетов отмечаются в конце 1905 г. В воспоминаниях А. Сергеева, опубликованных в 1927 г., было сказано о выдаче членского билета Выборгским районным комитетом большевиков и дано его описание. В 1928 г. в книге С. П. Невзоровой-Шестерниной «Годы борьбы в Подольском уезде» на основе воспоминаний Сальникова и др. впервые было сказано о выдаче партбилетов членам Подольской организации РСДРП в октябре 1905 г. и воспроизведен один из них. В III выпуске сборника воспоминаний и статей о подпольной работе большевиков «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», вышедшем в 1930 г., указывается, что Выборгский райком большевиков Петербурга выдавал в ноябре 1905 г. поименные членские билеты, дано их описание [1].

Вплоть до 60-х годов не было других публикаций о выдаче партбилета в период подполья. Затем сведения заметно пополняются. В 1961 г. Ю. Юров писал, что в 1905 г. в Петербургской организации появились своеобразные партийные билеты, что в Красноярском музее хранятся подлинники билетов, выдававшихся там в 1905 г.[2]. Затем

---

* На опубликованную в нашем журнале статью А. А. Тарасенко «Из опыта организации учета и оформления документов о личном членстве в партии большевиков (1903—февраль 1917 г.)» (1979, № 9) продолжают поступать отклики ветеранов партии, исследователей, работников музеев, краеведов. Журнал помещает выступление группы историков, продолжающих творческий разговор по этой проблеме.

[1] См. А. Сергеев. Патронная мастерская и вооруженное сопротивление 1905—1908 годов.— В кн.: «1905. Боевая группа при ЦК РСДРП(б)». Статьи и воспоминания. М.—Л., 1927, стр. 100; С. П. Невзорова-Шестернина. Годы борьбы в Подольском уезде. Подольск, 1928, стр. 27.

[2] См. Ю. Юров. Партийный билет.— «Огонек», 1961, № 42, 15 октября, стр. 16—17; его же. Партийный билет.—«Политическое самообразование», 1965, № 10.

данные о билетах появляются в очерках истории Ленинградской и Красноярской организаций КПСС [3], работах других авторов [4].

Слабая изученность исследуемого вопроса объясняется скудостью источниковой базы, особенностью деятельности партии в условиях подполья и жесточайших преследований царизмом, требовавших соблюдения строжайшей конспирации. В. И. Ленин всегда уделял вопросам конспирации самое серьезное внимание, неоднократно указывая на необходимость доведения конспиративной техники до совершенства [5].

В начальный период социал-демократического движения решающую роль играли личные связи членов кружков. На это прямо указывал В. И. Ленин [6], об этом же свидетельствуют воспоминания Н. К. Крупской [7]. Естественно, что в таких условиях у социал-демократов не было надобности в каких-либо особых документах, удостоверяющих личность того или иного работника. По мере того как «сравнительно узкий кружок хорошо известных друг другу лиц» [8] вырастал в организацию всероссийскую, требовалась еще большая осторожность, продиктованная законами конспирации.

Обобщая подпольный опыт индивидуального отбора в партию, исследователи проблем партийного строительства отмечают: «В годы подполья большую роль в отборе членов партии играли сами условия ее деятельности. Преследования со стороны царизма и буржуазии, постоянная опасность, трудности борьбы отпугивали от нее людей, недостаточно твердых по убеждениям, слабых духом. Члены партии постепенно вовлекали наиболее надежных товарищей в революционную работу, на деле проверяли, насколько они сознательны, способны к организованным действиям и самоотверженны, умеют ли беречь партийную тайну. После тщательного изучения и лишь по рекомендации членов партии их включали в организацию. Не всегда это можно было оформлять документами, но неписаный порядок приема призван был обезопасить организации от проникновения в их ряды чуждых элементов, от провалов» [9].

В условиях самодержавной России, при жесточайших жандармско-полицейских преследованиях любых революционных, и особенно социал-демократических, организаций документальное оформление членства в партии было крайне нецелесообразно, ибо оно вело к нарушению требований конспирации и давало в руки репрессивного аппарата документальные подтверждения о принадлежности к революционной партии рабочего класса. В условиях подполья и наистрожайшей конспирации членство в партии определялось фактической работой в организации и товарищеским свидетельством, но отнюдь не выдачей партийного членского билета. При тайной организации, отмечал позднее В. И. Ленин, иногда нельзя даже было установить число «точно известных членов» партии [10].

Однако было бы неверно утверждать, что в условиях подполья в РСДРП не существовало форм отчетности. Еще в период борьбы за создание партии В. И. Ленин настаивал, «чтобы перед ЦК и ЦО были **наиболее открыты** и состав каждой такой группы, и весь **механизм** ее работы, и все содержание этой работы» [11]. Он отмечал: «У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной глас-

[3] См. «Очерки Ленинградской организации КПСС», ч. I. Л., 1962, стр. 186; «Очерки истории Красноярской партийной организации». Красноярск, 1967, стр. 116.

[4] См. М. В. Стешова, Т. В. Шепелева, Г. Ф. Юдин. Из истории партийного билета.— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5; Г. Ф. Юдин. Партийное хозяйство в партийных органах и первичных партийных организациях. М., 1966; М. С. Емельченкова. К истории ленинских партбилетов.— «Партийная жизнь», 1969, № 10; «Партийный билет. Историческая справка».— «Коммунист Вооруженных Сил», 1972, № 3; М. И. Богатова. Коллекция партийных билетов.— «Труды Центрального музея революции СССР», вып. 7. Научные фонды музея, 1975; А. А. Тараценко. Из опыта организации учета и оформления документов о личном членстве в партии большевиков (1903 — февраль 1917 г.).— «Вопросы истории КПСС», 1979, № 9 и др.

[5] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 376; т. 6, стр. 136;

[6] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 105.

[7] См. Ленинский сборник VIII, стр. 98.

[8] Там же, стр. 100.

[9] «Партийное строительство». Учебное пособие. Авт. колл.: Н. А. Петровичев, Н. Ф. Кузьмин, Ф. Ф. Петренко, П. В. Свечников, А. А. Соловьев, Г. И. Шитарев при участии А. Н. Колосова и др. Изд. 5-е. М., 1978, стр. 78.

[10] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 164.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 20.

ности, кроме регулярной осведомленности партийного центра» [12]. В связи с подготовкой II, а затем и III съездов РСДРП В. И. Лениным составлялись вопросники для изучения деятельности местных комитетов РСДРП за период между съездами, включавшие и вопросы о построении и составе местных организаций РСДРП [13]. Часть отчетов местных комитетов оглашалась на съездах и вошла в их протоколы [14], другая часть была опубликована уже в советское время [15].

II съезд РСДРП в принятом им Уставе партии обязал все партийные организации «доставлять и ЦК, и редакции Центрального Органа все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом» [16]. На III съезде РСДРП этот параграф Устава получил дальнейшее развитие: партийные организации обязывались представлять в ЦК «подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две *недели*» [17].

В. И. Ленин придавал большое значение этим отчетам: «Двухнедельные отчеты **всех** партийных организаций и особенно всех **рабочих** партийных организаций имели бы громадное значение для упрочения состава и организационной сплоченности партии, а также специально для перестройки представительства партии (на съездах) по числу организованных рабочих» [18].

В Уставе, принятом Петербургским комитетом РСДРП после III съезда, «составление официальных отчетов, требуемых § 11 партустава», было вменено в обязанность Исполнительной комиссии ПК [19]. К сожалению, эти отчеты до нас не дошли, и, очевидно, не всегда была возможность подготовить их и переправить в ЦК, но в партийную практику они, несомненно, стали входить. Об этом свидетельствуют отчеты Петербургского и Казанского комитетов РСДРП, опубликованные на страницах газеты «Пролетарий», и отчет организатора Первого Городского района Казанского комитета, сохранившийся в архиве редакции «Пролетарий» [20]. В период подготовки к IV съезду РСДРП Петербургский комитет уже имел статистические сведения о количестве членов организации (по районам), участвовавших в выборах делегатов на съезд [21].

Со времени своего основания и по начало первой русской революции 1905—1907 гг. включительно партия была еще сравнительно малочисленной, а ее первичные организации сохраняли кружковые формы, основанные на товарищеском сотрудничестве. Организационная переписка и документация были строго конспиративны, преследуя двоякую цель: способствовать выполнению определенной задачи и в то же время скрыть их истинное назначение, если вдруг документы попадут в руки жандармов. Это достигалось шифрованной, химической перепиской российских организаций между собой и с ЦК и ЦО. Наблюдалась еще одна особенность документации — ее «безымянность»: употреблялись лишь одни партийные псевдонимы, но никоим образом не подлинные фамилии партийцев. Причем это неукоснительно соблюдалось как в России, так и за границей. В условиях подполья, когда члены низовой ячейки знали друг друга в лицо, необходимость удостоверения членства в партии возникала лишь при контактах с другими организациями. Этим целям служили прежде всего пароли, знание явки, а также мандаты и рекомендательные письма. В случае приезда работника за границу система явок и паролей дополнялась еще официальными документами

---

[12] Там же, стр. 24—25.

[13] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 72—82; т. 9, стр. 290—291.

[14] См. «Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 года». Протоколы. М., 1959, стр. 156—162, 481—484; «Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года». Протоколы. М., 1959, стр. 538—648.

[15] См. «Пролетарская революция», 1928, № 1; «Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП». М.—Л., 1930; «Второй съезд РСДРП». Протоколы, стр. 501—694.

[16] «Второй съезд РСДРП». Протоколы, стр. 426.

[17] «Третий съезд РСДРП». Протоколы, стр. 461.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 193.

[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 421 (§ 17); подробно об Исполнительной комиссии ПК см.: Т. П. Бондаревская, Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, стр. 195.

[20] См. «Пролетарий» № 14, август 1905 г.; № 19, 3 октября (20 сентября) 1905 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 508, л. 73.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 385, оп. 1, д. 46.

ЦК, российских комитетов или заграничных групп содействия РСДРП. Благодаря последнему обстоятельству мы и располагаем в настоящее время такими подлинными документами, как удостоверения, доверенности, полномочия, мандаты, которые в дооктябрьский период имели хождение в партийных организациях и в той или иной степени подтверждали принадлежность владельца к большевистской партии.

Документы, выдававшиеся Центральным Комитетом РСДРП, как правило, написаны на бланках ЦК и заверены его круглой печатью. Ни один из них, выявленных к настоящему времени, не выписан на подлинную фамилию владельца, везде указаны псевдонимы. Документы, исходившие от ЦК, касались ведения общепартийных дел. Например, уведомление о праве представлять ЦК за границей и заседать в Совете партии, доверенность на право закупки оружия «для надобностей партии», полномочия: на производство денежных сборов в пользу ЦК, на созыв протокольной комиссии и, наконец, как исключение — удостоверение, подтверждающее принадлежность к РСДРП.

Сохранились также документы местных партийных организаций, удостоверяющие личность и права предъявителей. Здесь прежде всего следует отметить мандаты делегатов III съезда РСДРП: Курского и Одесского комитетов — В. И. Ленину, Петербургского — Р. С. Землячке, Рижского — М. М. Литвинову [22], Минской группы — Г. Л. Шкловскому [23]. Интересны также удостоверения, подтверждающие партийность владельцев, выданные Исполнительным комитетом Бакинской организации на предъявителя [24] и Бакинским комитетом РСДРП — Казимиру [25]. Все эти документы заверены печатями соответствующих комитетов и групп РСДРП. Надписи на печатях бакинских документов выполнены на трех языках: вверху (арабской вязью) — на азербайджанском, посредине — на русском, внизу — на армянском. Кроме названных документов, имеются аналогичные документы, выданные Московским комитетом и Пензенской группой РСДРП [26].

За границей отмечено значительное количество документов, подтверждающих партийную принадлежность отдельных лиц. Можно назвать удостоверения, выдававшиеся Брюссельской, Лозаннской, Лондонской, Парижской группами РСДРП, которые заверены печатями групп с текстами на французском и английском языках, и лишь надпись печати Лозаннской группы выполнена на русском языке [27].

Вообще документация заграничных групп более разнообразна по сравнению с российской, что обусловлено легальными в известной степени условиями их деятельности. Здесь встречаются даже списки членов групп (правда, составленные по псевдонимам и с пометкой «конспиративно»). По необходимости в списках указывались фракционная принадлежность и местонахождение членов группы. Например, в списке членов Женевской группы [28] против псевдонимов имеются такие пометки: «уехал», «Львов», «Брюссель» или: «Демьян — представил явку [29], но взял ее обратно»; «Ни большевик, ни меньшевик; принят в группу» [30].

Члены заграничных групп имели зачастую и **персональные** документы, к которым следует прежде всего отнести **билеты** [31]: Клуба большинства в Париже, Женевского социал-демократического клуба, Социал-демократического дискуссионного клуба в Берне [32] и др. Из этого краткого перечня персональных документов видно, что они выдавались **учреждениями,** но не организациями партии, причем учреждениями даже

---

[22] См. «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905—1907 гг.», т. 1, кн. 2. М., 1979, вклейка перед стр. 193.

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 35, оп. 1, д. 61, л. 5.

[24] ЦПА ИМЛ, ф. 277, оп. 1, д. 149, л. 20.

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 958.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 277, оп. 1, д. 149, л. 12; ф. 17, оп. 1, д. 957.

[27] ЦПА ИМЛ, ф. 1, д. 43, л. 6; ф. 276, оп. 2, д. 602; ф. 17, оп. 1, д. 1104; ф. 276, оп. 2, д. 550.

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 277, оп. 1, д. 150, л. 1.

[29] В данном случае адрес комитетской явки, надо полагать, удостоверял партийную принадлежность «Демьяна».

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 277, оп. 1, д. 150, л. 1.

[31] Следует отметить, что такие билеты иногда выписывались и на подлинную фамилию владельца, а не на его псевдоним.

[32] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 479, л. 16; ф. 277, оп. 1, д. 148, л. 4, 5; ф. 17, оп. 1, д. 479, л. 17.

межпартийными, как Женевский социал-демократический клуб. Поэтому ни один из названных документов **не имел значения партийного билета и не мог выполнять его роль.**

Новые события в жизни заграничных групп РСДРП вызывали появление новых видов документов, касающихся уже непосредственно персонального учета членов партии. Так, в начале 1905 г., в преддверии съезда заграничных большевистских групп, впервые была предпринята попытка сделать хотя бы простейший анализ их личного состава. Для этого каждому члену группы (подгруппы) выдавался так называемый опросный листок, в котором он должен был указать свой псевдоним и ответить на два вопроса: где работал раньше (в России или за границей); в каких организациях и на каких функциях [33]. Обобщенные ответы послужили материалом для заполнения опросного листа всей группы. Так, опросный листок Бернской группы партии [34] отвечает на ряд вопросов: о числе членов группы, количестве ранее работавших в России, количестве живущих в Бернской «колонии», их партийной принадлежности, о числе сочувствующих РСДРП, об организационной структуре группы. Комитету Заграничной организации предстояло обобщить полученные от групп сведения и представить их ЦК РСДРП [35]. Можно полагать, что данные документы являются первыми своего рода статистическими документами по выяснению качественного и количественного состава заграничной части РСДРП.

Жесткие условия конспирации для организаций, действовавших в России, длительное время мешали постановке даже такого учета. Старый большевик, видный деятель Коммунистической партии Е. М. Ярославский, работавший в 1905—1907 гг. в ряде крупных большевистских организаций (Москвы, Петербурга, Ярославля, Н. Новгорода, Киева, Одессы, Твери), отмечал состояние учета и членства в партийных организациях в 1905 г. так. «Конечно,—писал он,—в тех условиях, в каких мы работали в подполье, не могло быть и речи о том, чтобы иметь точный список всех членов организации. Нигде тогда почти не было никаких членских билетов, никаких членских книжек. Каждый заводской организатор знал членов заводской организации по памяти. Очень редко он передавал список этих членов районному организатору или секретарю. Это не значит, что организации были численно очень маленькие» [36]. Для примера Ярославский приводит сведения о численности петербургских организаций большевиков и меньшевиков, насчитывавших вместе 3 тыс. членов партии (рабочих). Московская организация большевиков в декабре 1905 г. (а не в середине 1905 г., как ошибочно пишет Ярославский) насчитывала 2500 членов партии [37].

Свидетельство Ярославского о почти полном отсутствии партийных билетов в условиях подполья подтверждается документально. Ни в сочинениях В. И. Ленина, ни в решениях съездов, конференций и ЦК РСДРП не встречается ни одной директивы или хотя бы рекомендации о выдаче партийных билетов. Точно так же в опубликованной многотомной переписке В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями [38] нет ни одного упоминания о практике их выдачи.

Временное равновесие сил революционного народа и царизма, сложившееся в результате Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г., изменило внешние условия деятельности и внутреннее состояние партии большевиков. Она становится массовой. «Весной 1905 года, — писал В. И. Ленин, — наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией **миллионов** пролетариата» [39].

После Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г. на базе завоеванных пролетариатом политических свобод, которые, правда, были непрочны, поскольку-

---

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 69, л. 11.
[34] Там же, д. 47, л. 9.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 497, л. 2.
[36] Е. Ярославский. История ВКП(б), ч. I. Иваново, 1933, стр. 154.
[37] Там же, стр. 154—155.
[38] См. «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России». Сборник документов в трех томах. М., 1969—1970; «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.». Сборник документов в трех томах. М., 1974—1977; то же, 1905—1907 гг. Сборник документов в пяти томах, т. 1, кн. 1 и 2. М., 1979.
[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 145.

ку самодержавие не было свергнуто, создавались условия для полулегального существования партии. В статье «О реорганизации партии» (ноябрь 1905 г.) В. И. Ленин писал: «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением... Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен... Безусловно необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые партийные (и примыкающие к партии) организации» [40].

Следуя ленинским указаниям, местные партийные организации стали приспосабливаться к полулегальному существованию. Наряду с действием принципа **демократического централизма** и выборности партийных органов, выпуском легальных газет, проведением открытых и полуоткрытых собраний и конференций был сохранен конспиративный партийный аппарат; в подполье работали типографии местных комитетов, продолжали нелегально выпускаться листовки с призывом к вооруженному восстанию, в тайных мастерских изготовлялись бомбы и взрывчатые вещества и т. д.

В условиях полулегального существования партии отдельные комитеты РСДРП, переоценивая завоеванные «свободы», стали самостоятельно, не имея директивных указаний Центрального Комитета, вводить партийные билеты. «Статистика» выдачи билетов показывает, насколько эти случаи были редки.

В исторической литературе до сих пор были отмечены факты выдачи партийных билетов в подпольный период по трем организациям РСДРП — Петербургской (7 фактов), Красноярской (4) и Каменской (6).

К настоящему времени имеются документальные свидетельства (подлинники подпольных партийных билетов, воспоминания ветеранов партии, полицейские донесения, материалы судебных процессов) о 85 членских билетах или карточках членов РСДРП периода подполья по пяти организациям, в том числе о 8 членских билетах Петербургской организации РСДРП [41], 13 — Московской [42], 6 — Каменской [43], 4 — Красноярской организации [44] и 54 — Минской [45].

Из 85 билетов, которые выявлены по источникам, найдены подлинники лишь 12: 4 — Красноярской организации [46], 6 членских карточек — Каменской [47], 1 — Подольской группы Московской окружной организации [48], 1 — Петербургской.

78 из 85 партийных билетов, захваченных при арестах в октябре — декабре 1905 г., находились на руках или были подготовлены к выдаче, 6 — обнаружены при сносе дома в Днепродзержинске (бывш. Каменское), а полученный С. Г. Кисляковым

---

[40] В. И. Ленин. Полн. собр., соч, т. 12, стр. 83.

[41] См. Т. П. Бондаревская. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, стр. 201—202; М. И. Богатова. Коллекция партийных билетов, стр. 162; «Революция 1905—1907 гг. в России». Документы и материалы. Высший подъем революции. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г., ч. 1. М., 1955, стр. 549; А. А. Тарасенко. Указ ст., стр. 107—108.

[42] ЦГИА г. Москвы, ф. 131, оп. 84, д. 74, т. 2; С. П. Невзорова-Шестернина. Годы борьбы в Подольском уезде, стр. 27.

[43] Днепропетровский областной государственный архив, ф. 2, с. д. 1141, л. 13, 33, 34; Справка музея истории г. Днепродзержинска. В статье А. А. Тарасенко эти шесть билетов названы как «целая пачка подлинных партбилетов».

[44] Красноярский государственный архив, ф. 792, оп. 3, д. 3; Г. Кожевников. К истории партийного билета.—«Блокнот агитатора», 1971, № 7 (Красноярск); А. А. Тарасенко. Указ. ст., стр 110—111 (автор ошибается, говоря о выявлении здесь трех билетов; в действительности — четыре членские карточки, как называла их А. П. Непомнящая при допросе). В «Очерках истории Красноярской партийной организации» дата выдачи билетов Красноярской организации РСДРП (1906—1912 гг.) не подтверждается документальными источниками. Анализ документов партархива Красноярского крайкома КПСС свидетельствует, что выдача партийных билетов (карточек) в Красноярской организации РСДРП имела место в 1905—1906 гг. Во втором издании «Очерков» эта ошибка будет исправлена.

[45] ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 7557а, л. 90—90 об.; д. 7580, л. 5—6 об.

[46] Три из них — №№ 86, 356 и 470 — ныне хранятся в Красноярском краеведческом музее, четвертый — № 87 — в Центральном музее революции СССР.

[47] №№ 110, 134, 140, 144, 145, 132; первые пять из них ныне находятся в музее истории г. Днепродзержинска, шестая — в музее Днепровского металлургического завода им. Ф. Дзержинского.

[48] № 481 выдан В. Урагану — рабочему В. И. Павлихину.

(Ураловым) в августе 1916 г. во время всеобщей политической стачки в Петрограде передан им в 1956 г. в Музей революции СССР.

Оформлены партбилеты, выдававшиеся главным образом в «дни свобод», были своеобразно. Как правило, они представляли собой небольшие прямоугольные листки картона или плотной бумаги, на которых указывались их номера и ставились печати комитетов РСДРП. В подавляющем числе партийные билеты были безымянными. Некоторые комитеты вписывали в документ псевдоним и чрезвычайно редко — подлинную фамилию владельца. В нескольких случаях в партийном билете делались отметки об уплате членских взносов. Лишь на билетах Петербургской организации РСДРП были более подробные сведения: № билета, фамилия члена партии, принадлежность к району и печать районного комитета. На обороте напечатана выписка из § 1 Устава партии.

Надо полагать, что такая практика осуществлялась комитетами по собственной инициативе. Каких-либо директивных указаний Центрального Комитета по данному вопросу до настоящего времени неизвестно. Подтверждением этого служит точка зрения В. И. Ленина, высказанная им на вводимое в «дни свобод» выборное начало в партии. Предупреждая о серьезных последствиях недооценки сохранявшейся опасности, он писал: «С возможностью новых попыток умирающего самодержавия отнять обещанные свободы, напасть на революционных рабочих и особенно их вождей следует непременно считаться. Поэтому вряд ли уместно (за исключением разве особых случаев) опубликование настоящих фамилий делегатов. От псевдонимов, к которым нас приучила эпоха политического рабства, не приходится еще отказываться, пока черносотенцы остаются у власти» [49]. Разгром партийной организации в Подольске Московской губернии осенью 1905 г., когда партийные билеты облегчили жандармам его осуществление, является еще одним доказательством преждевременности их введения.

Важной составной частью перестройки партийной организации на основе ленинского принципа демократического централизма явился переход к новому порядку представительства на съездах РСДРП — по числу членов партии (на первых трех съездах все комитеты имели право на равное число голосов независимо от размеров организации). Это потребовало наладить учет числа членов организации, по крайней мере — участвовавших в выборах делегатов на партийный съезд. На IV (Объединительном) съезде РСДРП в апреле 1906 г. была представлена 31 тыс. членов партии, летом 1906 г. в ней уже насчитывалось свыше 100 тыс.[50], на V съезде РСДРП (апрель—май 1907 г.) было представлено уже 150 тысяч [51].

Налаживался и персональный учет, прежде всего выборного актива партии. На IV (Объединительном) съезде впервые, а затем — на V съезде РСДРП комиссиями, избранными съездами, под руководством М. Н. Лядова, уже тогда серьезно занимавшегося историей партии, был проведен анкетный опрос делегатов съезда с решающим и совещательным голосами, благодаря чему мы располагаем сведениями о составе съездов по социальному, возрастному, национальному, образовательному (а для V съезда — и по профессиональному) признакам, стажу их участия в революционном и социал-демократическом движении, а также о репрессиях, которым они подвергались за свою революционную деятельность [52].

Разгул реакции после поражения первой русской революции вынудил партию вновь уйти в глубокое подполье. Тюрьмы были переполнены людьми, принадлежащими к РСДРП и к революционно-демократическим партиям. В 1909 г. в тюрьмах томились 170 тыс. человек политических заключенных. По неполным данным, с 1907 по 1909 г. по политическим делам было осуждено более 26 тыс. человек, из них более 5 тыс. приговорено к смертной казни [53]. В этих условиях оформление

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 87.

[50] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 394.

[51] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель—май 1907 года». Протоколы. М., 1963, стр. XII.

[52] См. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель — май) 1906 года». Протоколы. М., 1959, стр. 458—460; «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы, стр. 656—659.

[53] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 239.

членства в партии посредством выдачи членских билетов было бы нарушением элементарных правил конспирации. Не случайно попытка меньшевиков в условиях реакции легализовать РСДРП квалифицировалась как ликвидаторство, направленное на приспособление партии пролетариата к столыпинскому режиму, то есть на ликвидацию революционной марксистской партии рабочего класса.

Какие-то возможности подсчета партийных сил появились в годы нового революционного подъема в связи с использованием легальных условий, прежде всего легальной печати. «Партия — 150 000 в 1907 году (сосчитано и проверено на Лондонском съезде). Теперь,— писал В. И. Ленин в середине 1913 г.,— неизвестно сколько. Наверное, много меньше, но 30 или 50 тысяч, определить нельзя» [54]. 30—40 тыс. экземпляров — таков был тираж ежедневной большевистской газеты «Правда» в то время. Сведения о подписке на «Правду» и сборах групп рабочих на поддержку «Правды» служат основой для подсчета численности большевистских организаций на местах в соответствии с ленинским указанием: «В России открытой, легальной партии нет. Организации партии нелегальны, тайны, «подпольны», как у нас говорят. Но **косвенным** — и притом безошибочным — указанием на состояние этих организаций служит **число денежных взносов от рабочих групп**» [55]. Не случайно решением Пороминского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками (со ссылкой на предшествовавшее решение) материальная поддержка легальной печати приравнивалась к уплате членских партийных взносов [56].

Данные о численности партии большевиков накануне первой русской и Февральской революций, которыми оперируют историки, — результат позднейших вычислений приемами статистики на основе итогов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. [57].

Партия, находившаяся в нелегальных условиях, постоянно испытывала нужду в денежных средствах. Ее денежный фонд складывался в общем из целевых сборов, членских взносов, пожертвований, а также от продажи литературы. Поскольку пополнение партийной кассы непосредственно касалось членов партии (членские взносы, денежные сборы и т. д.), следует остановиться на тех документах, которые раскрывают существо этого вопроса. Сохранившаяся переписка и финансовая документация, частично публиковавшаяся в виде отчетов в партийной прессе тех лет, показывают, с какой огромной ответственностью и максимальной точностью велась такая документация — начиная с ЦК РСДРП и кончая «сборщиками». Как иллюстрацию можно привести приходно-расходные книги Женевского партийного клуба за 1912—1913 гг. и Женевской группы содействия за 1908 г.[58]. Первая отражает помесячные, а вторая—поденные поступления членских взносов. Индивидуальные пожертвования, денежные сборы на собраниях групп фиксировались отрывными талонными книжками [59].

На отрывном талоне и корешке книжки писали один и тот же текст: псевдоним члена группы, сумма, дата взноса и на какую цель. Отрывной талон вручался лицу, сделавшему взнос. Талонные книжки не позволяют четко проследить **целевое назначение** поступивших средств. Один и тот же сборщик мог собирать (и собирал) деньги на различные цели. Причем не обязательно среди членов группы, но и среди членов русской колонии. Сохранившиеся корешки талонных книжек являлись, по сути дела, лишь **финансово-отчетным** документом сборщика.

Отрывные талонные книжки, имевшие хождение в России и за границей, не могут служить бесспорным доказательством принадлежности к РСДРП упомянутого в корешке талона лица, поскольку взносы делали не только члены партии, но и люди, ей сочувствующие.

То же назначение, что и талонные книжки, имели подписные листы, но в противоположность первым они были строго целевыми [60]. Каждый из подписных листов, как

[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.
[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 372.
[56] См. «КПСС *в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*», т. 1. М., 1970, стр. 384.
[57] См. «Всероссийская перепись членов РКП», вып. IV. Данные по итогам предварительной разработки». М., 1922.
[58] ЦПА ИМЛ, ф. 276, оп. 2, д. 596; ф. 277, оп. 1, д. 136, л. 31.
[59] ЦПА ИМЛ, ф. 277, оп. 1, д. 136, л. 51, 52, 54, 55.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, д. 120, лл. 1, 4, 52, 58.

правило, имел свой номер, благодаря которому жертвователь узнавал из партийной прессы, что по этому подписному листу для таких-то целей было получено столько-то.

Сведения о поступлении средств от сборов, финансовые отчеты комитетов РСДРП по возможности регулярно публиковались в нелегальных изданиях партии — газетах и листовках. В годы нового революционного подъема легальные большевистские газеты «Звезда» и «Правда» постоянно отчитывались о получении денег от рабочих групп и отдельных жертвователей на поддержку рабочей печати. В. И. Ленин регулярно анализировал эти сведения, считая сборы на большевистскую печать важным и поддающимся проверке объективным показателем влияния партии на массы сознательных рабочих [61].

Итак, оформление членства в партии посредством выдачи партийных членских билетов до февраля 1917 г., когда партия вышла из подполья, как правило, не производилось в силу нелегальных условий ее деятельности. Только 18(31) марта 1917 г. Бюро ЦК РСДРП постановило ввести в партии членские карточки (билеты), выработало образец членской карточки и разослало его в губернские партийные организации [62]. В 1920 г. был введен партийный билет единого образца, который изменялся и совершенствовался в 1922, 1926, 1936, 1954, 1973 гг.

В работах по истории партийного строительства многие авторы справедливо отмечают, что в условиях нелегального существования и вытекавшей из него строжайшей конспирации партийные билеты, **как правило,** не выдавались. В некоторых работах приводились отдельные случаи выдачи партийных членских билетов в годы революции 1905—1907 гг., особенно в период ее высшего подъема (октябрь — декабрь 1905 г.).

Однако с такой постановкой вопроса не согласен А. А. Тарасенко. В опубликованном им сообщении «Из опыта организации учета и оформления документов о личном членстве в партии большевиков (1903—февраль 1917 г.)» [63] сделана попытка доказать, что в условиях подполья в партийных организациях РСДРП существовала практика оформления членства в партии путем выдачи партийных билетов.

Какие же доводы приводит А. А. Тарасенко для подтверждения своей точки зрения?

Во-первых, он опирается на сформулированный **им же тезис** о том, что «особые условия подполья вызвали к жизни специфические документы, подтверждавшие и оформлявшие членство в ленинской партии». Во-вторых, ссылается на отдельные случаи, когда в ряде партийных организаций выдавались членские билеты. Все сообщение А. А. Тарасенко является попыткой доказать практику выдачи подпольными организациями партийных билетов.

Вместе с тем он отмечает, что партия и лично В. И. Ленин до 1917 г. особое внимание уделяли вопросам конспирации (см. стр. 104—105). «По царским законам,— говорится в сообщении,— полагалась немедленная ссылка в Сибирь с лишением всех прав только за принадлежность к РСДРП. В такой обстановке, конечно, в исключительных случаях, могла идти речь об оформлении личной документации, в том числе и партийных билетов на членов партии» (стр. 113). И после всего сказанного автор заключает: «И, однако, партийные билеты все-таки существовали, ими пользовались в условиях реакции, полного отсутствия легальности и ожесточенных преследований в обстановке первой мировой войны» (стр. 114). Так автор совмещает почти взаимоисключающие условия: строжайшую конспирацию с выдачей партийных билетов. Может быть, автор приводит в сообщении достаточно убедительный фактический материал, снимающий такого рода противоречивость своих заключений?

В основу доказательства о существовании партийных билетов в подполье автор положил материалы экспонатов и содержимое архивных коллекций, хранящихся в Музее революции СССР. Его внимание привлекла талонная книжка из бумаги светло-синего цвета размером 4,5 × 9,5 см, в которой каждый из 100 листов содержит корешок и отрывной талон с мастичным оттиском печати Московского окружного комитета РСДРП. Из книжки 56 талонов оторвали и выдали по назначению, то есть

[61] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 428—433, 437, 453—454; т. 22, стр. 69; т. 23, стр. 97—98, 101, т. 24; стр. 100, 303; т. 25, стр. 227—234, 246—247, 252, 372—375, 388, 420—426, 431—432.

[62] См. «Партийное строительство», стр. 434—435.

[63] См. «Вопросы истории КПСС», 1979, № 9, стр. 103—114.

уплатившим взносы и сделавшим пожертвования: «на партию», «на библиотеку», «на квартиру» (видимо, на содержание конспиративной квартиры). А. А. Тарасенко рассматривает эту талонную книжку как обнаруженные им ранее неизвестные партийные билеты Московской окружной организации РСДРП. Такая позиция нуждается в весьма весомых доказательствах. Известно, что талонные книжки в условиях подполья имели широкое применение. Это подтверждается фактами изъятия таких книжек полицией и жандармами при производстве обысков и их наличием в фондах судебных и полицейско-жандармских учреждений царской России, хранящихся в государственных архивах СССР. Подобные книжки использовались социал-демократическими организациями еще **до** II съезда РСДРП, положившего начало существованию партии большевиков. Сам автор приводит пример из воспоминаний старого большевика А. В. Шотмана, который, будучи членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», получил квитанцию (видимо, отрывной талон из книжки), уплатив членский взнос (стр. 105). Но это ни в коей мере не подтверждает позиции автора. Во-первых, автор умалчивает об эпизодичности, если не случайности, выдачи квитанций (талонов) за уплату взносов. Об этом упоминает сам Шотман. «Когда я потом познакомился с организацией на других заводах, — пишет он, — то там, насколько помню, никаких квитанций не было, так как это при тогдашних условиях было весьма нецелесообразно» [64].

Квитанции из таких книжек являлись прежде всего формой **финансово-отчетной** документации и потому считать их партийными билетами неправомерно. Так, карательные органы царизма четко отличали партийный билет от корешка талонной книжки. Например, в обвинительном акте по делу И. Д. Орахелашвили отмечено, что при аресте 15 (28) сентября 1906 г. у него были обнаружены партийный членский билет № 66 и две талонные книжки для сбора денежных средств [65].

Талонные книжки применяли при сборе денежных средств не только партийные, но и профсоюзные и другие организации. Корешки талонной книжки являлись средством отчета сборщиков перед комитетами РСДРП, которые в свою очередь публиковали денежные отчеты в форме широко распространявшихся листков. Для иллюстрации сказанного возьмем, к примеру, денежный отчет МК РСДРП за июнь 1905 г. Здесь мы видим в приходе пожертвования: от Г.—20 руб., от А. Р.—30 руб., от друга — 4000 руб. и т. п., членские же взносы составили всего 32 руб. [66].

Е. М. Ярославский отмечал, что на ведение подпольной работы партии требовались значительные денежные средства. «Откуда же брались эти средства?» — ставил он вопрос. И отвечал на него: «Членские взносы были очень незначительны... Кроме членских взносов приходилось изыскивать средства путем **специальных сборов среди сочувствующих,** причем сборы происходили большей частью не только среди рабочих, а среди интеллигенции, среди учащихся, но иногда и среди сочувствующих либералов... Устраивались сборы на вечеринках, на банкетах, на митингах; были отдельные пожертвования: так, большие пожертвования шли одно время в нашу партию через Максима Горького» [67].

Кстати, о сочувствующих. В. И. Ленин писал: «...Во всех странах, всегда и везде, есть **кроме** «партии» — «широкий слой» **околопартийных»** [68]. Разъясняя его роль в деятельности нелегальной партии, он указывал: «Посредником между партией и классом является «широкий слой» (шире партии, но у́же класса) — слой голосующих за с.-д., слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.» [69]. И далее: «...Без него партия была бы бессильна» [70]. Такова суть сочувствующих. Если, как утверждает А. А. Тарасенко, отрывной талон является своеобразным партийным билетом, который выдавался как члену партии, так и сочувствующему, то легко увидеть, что данное положение противоречит ленинской формулировке § 1 Устава РСДРП.

---

[64] А. В. Шотман. Записки старого большевика. Изд. 3-е. Л., 1963, стр. 30.
[65] ЦГАОР, ф. 124, 1906 г., д. 51.
[66] См. «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь», 1. М., 1957, стр. 358—359.
[67] Е. Ярославский. История ВКП(б), стр. 167.
[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.
[69] Там же, стр. 35.
[70] Там же, стр. 33.

А. А. Тарасенко к упомянутой выше талонной книжке, хранящейся в Музее революции СССР, присоединяет талонную книжку с оттиском печати Московского профсоюза печатников. Но здесь автор допускает неточность в аргументации. Утверждая, что в Московской организации большевиков выдавались партийные билеты (стр. 108), автор приводит в качестве доказательства талонную книжку профсоюза печатников?! Явно неудачный пример.

Считая талонную книжку «большой коллекцией партийных билетов» (стр. 109), а оторванные талоны «своеобразными партийными билетами» (стр. 110), А. А. Тарасенко, в противоречие с собственной позицией, пишет об отрывных талонах (квитанциях): «Подобные конспиративные личные партийные документы после прочтения, как правило, подпольщики тут же уничтожали» (стр. 105). Возникает вопрос, разве можно считать партийным билетом, пусть даже своеобразным, документ, который после прочтения тотчас же уничтожался? Спрашивается, зачем же его выдавать?..

Нельзя согласиться и с утверждением А. А. Тарасенко, что партийные мандаты, «гарантировавшие сохранность членства в большевистской партии, историки уже прямо назвали своеобразными партийными билетами. Это еще только их прообразы» (стр. 106). В отличие от партийного билета, удостоверяющего членство в партии его владельца вообще, на весь период действия билета, назначение мандата — разовое предъявление в строго определенном месте и определенным лицам для выполнения определенного действия (выполнения точного поручения, участия в съезде, конференции и т. д.). Выдача мандатов уходит в более раннее время, чем возникла РСДРП. Так, в 1896 г. московский «Рабочий союз» выдал мандат В. И. Засулич на право представительства от московских марксистов на Лондонском конгрессе II Интернационала [71]. Таким образом нет оснований считать мандат прообразом партийного билета, как это утверждает автор сообщения.

Спорно утверждение автора о билетах большевистских и дискуссионных клубов за границей, которые он называет партийными билетами (см. стр. 112—113). Его высказывание о том, что члены Женевского клуба «получали... персональные партбилеты» (стр. 112), не идентично § 1 устава этого клуба, в котором говорится о выдаче «членских билетов» [72]. Однако и это название было изменено. На заготовленном формуляре билета Женевского клуба РСДРП слово «членский» было зачеркнуто и оставлено только слово «билет» [73]. Для более точного определения функциональной нагрузки билетов рассмотрим основные задачи клубов. Главнейшими из них были: проведение тесных собраний клуба «исключительно для членов его» и расширенных собраний, на которые допускались «a) все члены РСДРП, b) все члены других соц.-дем. партий и организаций, c) лица, сочувствующие социал-демократии» [74]. Анализ отчета Женевского клуба (март 1905 г.) свидетельствует о том, что это не организация, а учреждение. Следовательно, никакой речи о партийных билетах быть не может. Да и сами сохранившиеся билеты свидетельствуют об этом. Так, бернский называется: «Билет на вход в соц.-дем. дискуссионный клуб в Берне», а на парижском имеется пометка: «Бюро клуба. Просят предъявлять при входе» [75]. Иначе и не могло быть, если иметь в виду, что партийные клубы, Архив и библиотека РСДРП являлись учреждениями РСДРП, а не организациями. Вывод: упоминаемые билеты следует рассматривать как пропуска в клубы, а не как партийные билеты.

В связи с тем, что на некоторых документах заграничных групп РСДРП имелись оттиски печатей, выполненные на французском и английском и параллельно — на русском языках, А. А. Тарасенко делает вывод: «Этот опыт вписывать тексты в партбилеты параллельно на русском и иностранном языках большевики, усовершенствовав, используют в 1917 г. применительно к национальным организациям РСДРП(б) в России» (стр. 113). Абсолютно не ясно, почему автор для обоснования своей точки зрения берет опыт Заграничной организации РСДРП, а не российских комитетов, в частности Бакинского (о котором мы говорили выше и о котором

[71] См. «Очерки истории Московской организации КПСС», кн. 1. М., 1979, стр. 40.
[72] ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 6, л. 1.
[73] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 479, л. 21. Приводя на стр. 112 (сноска 49) текст на бланке этого билета, А. А. Тарасенко игнорирует указанное зачеркивание.
[74] ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 6 л. 1—1 об.
[75] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 479, л. 17, 16.

на стр. 106 пишет сам Тарасенко), который имел печать, выполненную на трех языках.

В сообщении А. А. Тарасенко приводятся примеры, когда в период революции 1905—1907 гг. кое-где по инициативе местных партийных организаций делалась попытка выдавать членские билеты РСДРП (Петербург, Красноярск, Каменское). Однако правомерность этих попыток мало оправдана в условиях сохранявшегося царского самодержавия, лишь формально, но не фактически самоограниченного уступками манифеста 17 октября 1905 г. Это и явилось главной причиной того, что до свержения самодержавия практика выдачи билетов не получила широкого распространения.

В заключение нельзя не отметить, что автор порой прибегает к произвольному толкованию и цитированию некоторых документов, искажая тем самым их содержание. Например, на стр. 112 А. А. Тарасенко приводит цитату: «Знаете ли вы некоего Георгиевского кот[орый] явился к нам от имени Московск[ого] ком[итета] без пароля... Важно это выяснить. Подтвердите...». Но, как видно из дальнейшего текста, слово *«подтвердите» относится не к факту приезда Георгиевского, а имеет самостоятельное* значение. Из полной фразы следует: «Подтвердите Вашу явку и дайте еще адрес для писем, известите немедля о получении письма» [76].

На стр. 113—114 автор пишет: «Так, на районном собрании 5 июля 1909 г. было кем-то сообщено, что «в Москву приехал один товарищ, но его не принимают на работу (партийную.— **А. Т.**), потому что нашли какие-то неточности в его явках». Следует тут же поручение Исполнительной комиссии МК РСДРП «срочно и тщательно проверить партдокументы товарища». Однако в документе, на который ссылается автор, речь идет о решении Исполнительной комиссии МК РСДРП «удостоверить товарища и, когда будет обсуждаться вопрос о его принятии или непринятии, допустить его на заседание Исполнительной комиссии» [77].

Подытоживая, можно сказать, что с поставленной задачей доказать правомерность функционирования партийных билетов в РСДРП в период подполья автор не справился и занял ошибочную позицию. Даже минимальную задачу — «расширить скупые сведения о функционировании в революционном подполье большевистских партийных билетов» (стр. 103) — автору решить не удалось, ибо, по существу, он оперирует уже известными фактами выдачи билетов в период революции 1905—1907 гг.

Приведенные в статье факты о выдаче партийных билетов нисколько не меняют основного положения: в годы самодержавного гнета, обусловившего подпольную деятельность революционной партии пролетариата, при соблюдении строжайшей конспирации, нельзя было считать целесообразным оформление членства в партии путем выдачи партийных билетов. И сколько бы ни было обнаружено новых фактов выдачи партийных билетов местными организациями РСДРП, они не могут поколебать этого основного вывода. Лишь с выходом партии из подполья после Февральской революции 1917 г. появились условия для проведения в жизнь в полной мере принципа демократического централизма, и партийное строительство на местах принимает более четкие организационные формы. Решение Бюро ЦК РСДРП(б) 18 марта 1917 г. явилось первым директивным документом партийного центра о введении в местных организациях партийных билетов.

В подготовке статьи оказали помощь своими материалами Сектор единого партбилета ЦК КПСС, Центральный партийный актив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, партийный архив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, партийный архив Красноярского крайкома КПСС, Государственный исторический архив Грузинской ССР, Центральный государственный исторический архив г. Москвы, Центральный музей революции СССР, Музей истории г. Днепродзержинска.

[76] Там же, д. 528, л. 1.
[77] Там же, д. 753, л. 4.